

сестру — греческую королеву, дочь сестры и ее мужа — великого князя Павла Александровича. Эти стихи Фет включал в свои сборники. Он, очевидно, мечтал о сближении с царским двором, и эти мечты увенчались вождленным камергерским мундиром.

Смерть поэта в 1892 году, подобно его рождению, оказалась окутана тайной. К концу жизни его одолевали старческие недуги: резко ухудшилось зрение, так что пришлось нанять секретаршу — писать под диктовку, терзала «грудная болезнь», сопровождавшаяся приступами удушья и мучительнейшими болями.

Свое последнее стихотворение он начал словами:

*«Когда дыханье множит муки
И было б сладко не дышать...»*

За полчаса до смерти Фет настойчиво пожелал выпить шампанского, а когда жена побоялась дать его, послал ее к врачу за разрешением. Оставшись с секретаршей, Фет продиктовал ей необычную записку:

«Не понимаю сознательного преумножения неизбежных страданий, добровольно иду к неизбежному».

Под этим он сам подписал: «21-го ноября, Фет (Шеншин)». Затем схватил стальной стилет, но секретарша бросилась вырывать его и поранила себе руку. Тогда Фет побежал в столовую к буфету, очевидно, за другим ножом, и вдруг, часто задышав, упал на стул. Наступил конец.

Формально самоубийство не состоялось, но по характеру всего происшедшего это было заранее обдуманное самоубийство. Всю жизнь преодолевавший превратно-

*Мария Петровна Боткина,
жена Фета*

сти судьбы, поэт и ушел из жизни, когда счел это нужным.

Творческий путь Фета длился более полувека. Он выпустил свой первый сборник в один год с Лермонтовым, а последний — в один год с первым сборником Бальмонта.

Отношение к нему русской критики и русского читателя круто изменилось сразу после его смерти. Поэты новой школы ставили Фета на одно из первых мест в русской поэзии и объявили его своим прямым предшественником.

Брюсов писал о Фете в 1895 году: *«Я лучше всего определяю впечатление, которое он произвел на меня, если скажу, что то была моя первая любовь. Одно время я смотрел на*